УДК 821.161.1-2/.3+61
DOI 10.20339/PhS.2-23.095

М.А. Волчкевич

«Чудесный доктор»: эволюция образа врача в дореволюционной и советской литературе

В работе внимание сосредоточено на теме эволюции образа врача в русской литературе XIX в., в частности в произведениях А.П. Чехова. Показаны изменения, которые претерпел образ медика в литературе XX в. (героиня пьесы А.Н. Арбузова «Таня», врач в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»).

Ключевые слова: *эволюция образа врача в русской литературе, Чехов, пьеса А. Арбузова «Таня», «Доктор Живаго».*

In the article the author addresses the topic of the evolution of the image of a doctor in the Russian literature of the 19th century (in particular, in the works of A.P. Chekhov). The author shows the changes that the image of a doctor in the literature of the twentieth century has undergone (the image of the heroine of the play by A.N. Arbuzov "Tanya", the image of a doctor in the novel by B.L. Pasternak "Doctor Zhivago").

Keywords: *evolution of the image of a doctor in Russian literature, Chekhov, A. Arbuzov's play "Tanya", "Doctor Zhivago").*

Проблема эволюции образа врача в дореволюционной и советской литературе привлекательна и плодотворна для исследователя как в целом, так и по отдельным аспектам[1]. Обращение к образу доктора, каким он обрисован в классической литературе XIX в. и в произведениях советских авторов (или авторов, которые жили и творили при советской власти), своеобразно высвечивает корневые различия исторических эпох в их понимании идеи служения людям, жертвенности, милосердия, гуманизма — тех основ, на которых зиждется профессия врача.

Как таковой доктор редко был главным героем произведений русской литературы первой половины XIX столетия. Причины этого очевидны: медицина как наука и сама медицинская школа в России только развивались. Традиционно игравшие большую роль в предыдущие столетия иностранные, приглашенные медики лишь постепенно сменялись русскими врачами. На вопрос, каков же он, доктор — второстепенный герой русской словесности первой половины XIX в., ответить можно словами булгаковского Воланда: «Пожалуй, немец».

Доктор с иностранной фамилией, такой чуждый, что и говорить по-русски не умеет, комически представлен в гоголевском «Ревизоре». В «Герое нашего времени» это доктор Вернер, конфидент, резонер и даже судья главного героя. Вернер — русский, однако автору важно подчеркнуть если не чуждость, то отдельность подобного персонажа.

Во второй половине века обрусевший доктор-немец уже необязательно чужой и чуждый, хотя резонерство по-прежнему присуще ему. В «Братьях Карамазовых» Достоевского явлены два доктора: русский доктор и врач с характерной фамилией Герценштубе, изъясняющийся по-русски бегло, но с акцентом. Русский доктор приходит осматривать семью капитана Снегирева и ведет себя вполне равнодушно, если не сказать бездушно, — настолько, что Коля Красоткин готов натравить на него свою собаку, тогда как доктор Герценштубе выступает на суде в защиту несчастного Мити Карамазова и даже жалеет его.

Один из первых русских докторов в отечественной литературе — доктор Крупов из одноименной повести А.И. Герцена. Характерно, что этот новый герой русской литературы — разночинец,

[1] См.: *Баранова И.А.* Трансформация образа врача в русской литературе XIX века // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Филология. 2010. № 2 (8). С. 186–194; *Аникин А.А.* Образ врача в русской классике // Портал «Слово». Серия «Филология». URL: https://www.portal-slovo.ru/philology/37293.php?ELEMENT_ID=37293&SHOWALL_1=1; *Мирский М.Б.* Доктор Чехов. М., 2003.
See: *Baranova I.A.* Transformatsiia obraza vracha v russkoi literature XIX veka // Vestnik Samarskoi guma-nitarnoi akademii. Seriia: Filologiia. 2010. No. 2 (8). S. 186–194; *Anikin A.A.* Obraz vracha v russkoi klassike // Portal "Slovo". Seriia "Filologiia". URL: https://www.portal-slovo.ru/philology/37293.php?ELEMENT_ID=37293&SHOWALL_1=1; *Mirsky M.B.* Doktor Chekhov. Moscow, 2003.

сын дьякона. В повести «Доктор Крупов», написанной в 1846 г., по сути, заложен литературный образ русского дореволюционного врача, который отзовется в «Палате № 6» Чехова, в произведениях Вересаева и Булгакова. Врач, который не только ставит диагноз пациентам и лечит их, но и ставит диагноз времени, в котором живет, и обществу, частью которого он является. Русскому доктору свойственно принимать болезнь на себя, мучиться ею, умирать от нее.

Естественник-разночинец Базаров из «Отцов и детей» Тургенева — истинный герой своего времени — эпохи середины века. Как врач Базаров почти не проявляет себя, не успевает этого сделать (разве что оказывает первую медицинскую помощь раненному им же самим Павлу Петровичу). Однако все помнят, что Базаров умирает от нелепой случайности: он не продезинфицировал рану, полученную им при вскрытии трупа больного. В бреду Базаров повторяет: «Я нужен России… Нет, видно не нужен. Да и кто нужен? Сапожник нужен, портной нужен, мясник… мясо продает… мясник… постойте, я путаюсь…Тут есть лес…»[2]

Этот лес из предсмертного бреда доктора Базарова напоминает о другом лесе и другом докторе, страстно любившем леса, — докторе Астрове из чеховского «Дяди Вани». Именно в прозе и драматургии Чехова, такого же разночинца, как и Базаров, образ русского врача, особенно земского, обретает свою полноту, сложность и неоднозначность[3]. Своих коллег Чехов описывал часто: врач — герой многих его рассказов, пьес и повестей. Герой этот чрезвычайно сложный, неодномерный. При всем своем профессионализме чеховский доктор (черта эта автобиографическая) по большей части несчастливый человек. Он не до конца принадлежит медицине, не может принадлежать только ей. Чаще всего такой доктор выбирал профессию не потому, что она была его призванием. Как, например, доктор Рагин, герой «Палаты № 6», который в юности хотел быть священником, однако отец, известный хирург, заставил его выбрать совсем другую стезю. Чеховскому доктору все время кажется, что рядом, совсем недалеко, есть какая-то другая, необыкновенная и интересная жизнь, для которой он рожден. Доктор Дорн тяготеет к литературе и людям искусства; доктор Астров спасает леса. В ответ на недоуменную реплику Елены Андреевны: «Конечно, можно принести большую пользу, но разве это не мешает вашему настоящему призванию, ведь вы доктор» — Астров отвечает: «Одному богу известно, в чем наше настоящее призвание»[4].

При этом чеховский врач прежде всего врачеватель, не кабинетный ученый. Становясь лишь успешным «профессором», чеховский доктор как будто теряет свое дело, суть своего ремесла. Несчастлив заслуженный профессор Николай Степанович, герой повести «Скучная история», светило медицины, в друзьях которого числились такие знаменитости, как Кавелин, Некрасов и Пирогов. Если чеховский доктор не то что счастлив, но доволен сам собою, своей карьерой, как доктор Благово из повести «Моя жизнь», то такой доктор перестает быть для Чехова врачом, превращается в своеобразную машину по производству красивых слов и умных определений.

Настоящий чеховский доктор болезненно уязвим именно потому, что умеет сострадать и сочувствовать. Абстрагироваться от сочувствия, от чувства вины перед пациентом он не может.

---

[2] *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений: в 30 т. М., 1981. Т. 7. С. 180.
Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. M., 1981. T. 7. S. 180.

[3] Теме «Чехов и медицина» посвящено немало исследований. См., например: *Меве Е.Б.* Медицина в творчестве и жизни А.П. Чехова. Киев, 1989; *Кибальник С.А.* Записные книжки писателя и интерпретация литературного произведения: (на материале творчества А.П. Чехова) // Русская литература. 2019. № 4. С. 91–95; Записная книжка А.П. Чехова с рецептами для больных / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С.А. Кибальника // Русская литература. 2018. № 2. С. 194–211.
See: *Meve E.B.* Meditsina v tvorchestve i zhizni A.P. Chekhova. Kiev, 1989; *Kibalnik S.A.* Zapisnye knizhki pisatelia i interpretatsiia literaturnogo proizvedeniia: (na materiale tvorchestva A.P. Chekhova) // Russkaia literatura. 2019. No. 4. S. 91–95; Zapisnaia knizhka A.P. Chekhova s retseptami dlia bol'nykh / vstup. st., podgot. teksta i primech. S.A. Kibalnika // Russkaia literatura. 2018. No. 2. S. 194–211.

[4] *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М., 1986. Т. 13. С. 72.
Chekhov A.P. Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. Sochineniia: v 18 t. Moscow, 1986. T. 13. S. 72.

Астрову совестно, когда у него умирает больной под хлороформом, словно он сам убил его. Судя по собственным признаниям в письмах, в таких случаях совестно было самому Чехову.

Чеховскому врачу трудно найти душевные и физические силы, чтобы изо дня в день, из года в год принимать большое число пациентов, бороться с нечистотой, грязью, отсутствием необходимого оборудования, невежеством. В рассказе «Неприятность» (1889) земский доктор говорит: «Я работаю от утра до ночи, отдыха не знаю <…>. Я потерял на работе здоровье <…>. И каждый считает себя вправе совать свой нос не в свое дело, учить, контролировать!»[5] Астров пьет, чтобы забыться, и честно говорит, что не любит людей и ничего не ждет для себя. Будни врача, тем более в провинции, особенно земского доктора, были трудны, к сентиментальности не располагали. Чехов знал это не понаслышке, о чем свидетельствуют его письма: «Нехорошо быть врачом. И страшно, и скучно, и противно. <…> Девочка с червями в ухе, поносы, рвоты, сифилис — тьфу!! Сладкие звуки и поэзия, где вы?»[6]

Тем не менее спасение чеховского доктора состоит лишь в том, чтобы не «оравнодушеть», не остановиться, но продолжать лечить, даже если вера в призвание и в свою профессию уже потеряна. Доктором Рагиным из «Палаты № 6» овладевает душевный недуг именно тогда, когда он приходит к выводу, что не к чему мешать людям умирать, если смерть есть «нормальный и законный конец каждого», опускает руки и перестает ходить в больницу каждый день.

Доктор Львов в «Иванове», Дорн в «Чайке», Астров в «Дяде Ване», Чебутыкин в «Трех сестрах» — все они не просто камертон пьесы, но ее определяющие фигуры. Условно говоря, каков доктор, такова и пьеса, ее настроение, ее поэтика, ее исход. Обвинитель, ригорист Львов в «Иванове»; изящный бонвиван, любящий и чувствующий искусство доктор Дорн в «Чайке»; махнувший рукой сначала на себя, а потом и на окружающих Чебутыкин в «Трех сестрах». Симптоматично, что в «Вишневом саде» нет доктора. Можно сказать, что персонажи этой пьесы неизлечимы и лечиться не желают.

Один из немногих чеховских врачей, по-настоящему преданных своей профессии, — это Дымов из «Попрыгуньи». В отличие от его жены, профессия не обманывает его. Чем несчастнее становится Дымов, догадавшись об измене, тем больше времени он посвящает профессии, пытаясь как бы укрыться в ней. Дымов умирает, заразившись дифтеритом, потому что, по выражению коллеги Коростелева, «полез на рожон»: он высасывал у больного мальчика через трубку дифтеритные пленки. Но не профессия медика убивает Дымова. Он гибнет, поскольку, вероятно, сам мало ценит свою жизнь, которая свелась к врачеванию, к спасению других.

Сентиментальный святочный рассказ Куприна «Чудесный доктор» (1897), посвященный великому Пирогову, являет нам волшебника и рождественское чудо. Фигура великого врача и гуманиста Николая Пирогова подчеркивает национальный колорит этой истории. Этот врач представляет то лучшее, милосердное, доброе, что есть в русской жизни.

Доктора начала XX в. — герои произведений В.В. Вересаева и М.А. Булгакова — во многом продолжают чеховскую традицию. Однако врач в произведениях Булгакова (в отличие от «чеховских докторов»), несмотря на все исторические и сюжетные перипетии, предстает человеком более жизнеустойчивым, цепким и даже везучим. История с лечением больного ребенка в его повести «Стальное горло» оканчивается счастливо и для пациентки, и для врача, хотя дифтеритные пленки попадают доктору в глаза. Булгаковские Алексей Турбин и «молодой врач» из «Записок юного врача» изображены в традициях русской классической литературы, хотя произведения пишутся в 1920-е гг.

Образ профессора Преображенского из «чудовищной истории», написанной в середине 1920-х гг., представляет собой не только медицинский, но и человеческий, литературный эксперимент: есть ли возможность для врача уцелеть при советской власти, не служа системе, сохраняя

[5] *Cit. op.* Сочинения: в 18 т. М., 1977. Т. 7. С. 153.
Cit. op. Sochineniia: v 18 t. Moscow, 1997. T. 7. S. 153.

[6] *Cit. op.* Письма: в 12 т. М., 1977. Т. 5. С. 220.
Cit. op. Pis'ma: v 12 t. Moscow, 1977. T. 5. S. 220.

номинальную независимость, или этот доктор Фауст сохранен лишь до той поры, пока нужен «значительному лицу»? В момент опасности, когда над героем нависает возможность ареста, но можно выехать на «мировой известности», так что отвечать будет лишь ассистент, доктор Борменталь, Преображенский, становясь вдруг похожим на «французского древнего короля», гневно бросает: «Я — московский студент, а не Шариков»[7].

Новый, советский доктор явлен нам в лирической драме Корнейчука «Платон Кречет», написанной в середине 1930-х гг. Доктор Кречет лечит лучше, «чем Иисус Христос», думает о том, как «продлить человеку жизнь». Это идеальный новый герой. В отличие от чудес «мага и чародея» Преображенского, его эксперименты обречены на успех.

Особняком в историях о советских врачах стоит замечательная пьеса Алексея Арбузова «Таня» (1938). Драматичное, едва ли не трагическое звучание приобретает в ней настойчивое требование эпохи отречься от себя, перековаться, умереть и родиться заново. Вначале именно Таня, в отличие от ее мужа Германа, Шамановой и других героев, принадлежит старому миру, где главным для женщины были любовь и семейный уют. Такая Таня не могла быть главной героиней советской пьесы: ради любви к Герману, передовому инженеру-изобретателю, она бросила медицинский институт. Оставленная профессия имеет в этой истории особый смысл. Не только очевидный: предназначение медика — служение людям, спасение людей. Но и тот, что читался между строк: в новой советской реальности доктор, как никто другой, *должен* был отдавать себя другим и быть счастливым.

В эпоху 1930–1940-х гг., когда гуманность была попрана, а исповедь невозможна, когда порою было страшно перемолвиться словом, только врач не мог отказать в помощи. Мандельштамовское «Читателя! Советчика! Врача! На лестнице колючей разговора б!» звучит, по определению поэта, в «мертвом воздухе», где хочется «мычать от всех замков и скрепок»[8]. Официальная идеология не могла изменить коренные принципы профессии врача, т.к. в ней, как в никакой другой, конечной целью был не прогресс, не новые индустриальные победы, не общественное благо, а, как и в прежние времена, помощь конкретному человеку.

Героиня Арбузова наказана автором за то, что выбрала себя, выбрала любовь, не доучившись на медицинском факультете. Прошло время, и ей было суждено потерять собственного ребенка, заболевшего дифтеритом. К ней не явился ни доктор Дымов, готовый, рискуя жизнью, высасывать пленки из трубки, ни булгаковский «юный врач». Только она сама могла (или не могла) спасти своего сына. Таня должна потерять ребенка, отказаться от мужа. И только лишившись всего, как библейский герой, родиться заново, став врачом. На этом жертвы не кончаются: Таня доказывает не только профессиональную, но и человеческую состоятельность, когда, зная о смертельной опасности, едет спасать больного ребенка ее бывшего мужа.

Ласковая «душечка» — прежняя Таня — не нужна этому новому миру. Ему нужен сверхчеловек, сверхусилие. Таня, о которой в начале пьесы прогрессивный муж-инженер сказал, что она *«ничего»*, в конце пьесы поднимается выше, чем свившие семейное гнездо образцовые передовики производства Герман и Шаманова.

В трилогии Юрия Германа, относящейся уже к послевоенной литературе, появился новый герой — врач Владимир Устименко. Характерны уже сами заглавия этих трех романов: «Дело, которому ты служишь», «Дорогой мой человек», «Я отвечаю за всё». Герой Германа — человек, глубоко преданный своему делу, бескорыстный и талантливый. Однако он словно обречен на оди-

[7] *Булгаков М.А.* Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 1995.Т. 3. С. 125.
Bulgakov M.A. Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. Moscow, 1995.T. 3. S. 125.

[8] *Мандельштам О.Э.* Полное собрание сочинений: в 3 т. М., 2009. Т. 1. С. 221.
Mandelstam O.E. Polnoe sobranie sochinenii: v 3 t. Moscow, 2009. T. 1. S. 221.

ночество. Дело, «которому он служит», целиком забирает Владимира; он не принадлежит себе. Заботы у него, как у античного героя, монументальные и нескончаемые. Он сражается с чумой, потом ему предстоит война, затем — строительство мирной жизни.

Конец истории доктора Устименко в чем-то схож с финалом пьесы Арбузова. Варя, любящая Владимира всю жизнь, вынуждена смириться с тем, что ее избранник никогда не будет жить своей жизнью: «Делатель и созидатель стоял, опираясь на палку, под длинным, нудным осенним дождем. И не было для него ни дождя, ни развалин, ни усталости — ничего, кроме дела, которому он служил»[9].

В послевоенные годы появляется целый ряд произведений о врачах, похожих на роман Германа (например, трилогия Антонины Коптяевой «Иван Иванович»). Не много прибавили к официальному облику советского врача и произведения 1960–1970-х гг. Оттепель привнесла в эту тему оттенок товарищества, взаимопомощи, братства. Так, в повести Василия Аксёнова «Коллеги» (1959) трое друзей-медиков, подобно героям Ремарка, прекрасны, честны и готовы на самопожертвование. Конец 1960-х — 1970-е явили героя-бессребреника хирурга Мишкина. В самой фамилии этого главного героя повести Юрия Крелина «Хирург» заключена прозрачная аллюзия на главного героя романа Достоевского «Идиот». Врач советской литературы — человек глубоко положительный, бескорыстный, однако личные его черты стерты этой самой положительностью.

В таком идеологическом контексте появляется роман Пастернака «Доктор Живаго», главный герой которого «другой», не советский врач. Профессия героя имеет здесь решающее и разнообразное по смыслу значение. Ведь Юрий Живаго ставит диагноз не только своим больным, но и своему времени. Молодой Живаго, любящий искусство, тем не менее выбирает медицинский факультет, потому что «в практической жизни надо заниматься чем-то общеполезным». Он не просто умеет лечить людей — он способен врачевать душу, утешать. Именно таков он в сцене болезни Анны Ивановны Громеко.

Во время исторических потрясений — революции и Гражданской войны — доктор оказывается профессионалом, который нужен всем: и красным, и белым. Его силой заставляют служить в партизанском отряде и оставляют, когда красные входят в город. Себе доктор Живаго принадлежит лишь в краткое смутное время неразберихи, когда он соединяется в Юрятине и потом в Варыкине с Ларой, а затем остается один. Миг этот совсем не долгий, но тогда, в часы наивысшего подъема, он пишет стихи и напряженно размышляет об истории. Именно в тот момент доктор Живаго перестает быть врачом. Рождается отдельный от этой профессии человек — философ, странник, проповедник, которому нигде нет приюта. Для общества и властей доктор Живаго становится тем самым *«ничем»*, о котором с осуждением говорили в пьесе Арбузова «Таня». Только Живаго сам хочет быть *«никем»* — незаметным и независимым. Ему надо сохранить себя, спрятаться от правопорядка и новых устоев.

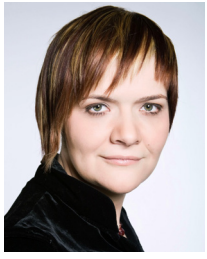
Этот необыкновенный доктор, поставивший своему времени неизлечимый диагноз, пришел из прежней эпохи. Он сродни самым лучшим из образов врача, созданных Чеховым. Живаго не «служит» делу, не принадлежит ему — он не принадлежит никому. Он хочет, чтобы ничто не связывало его с новым обществом: ни профессия, ни семья. Не случайно умирает он, как Пушкин из блоковской речи «О назначении поэта» (1921), от «отсутствия воздуха».

Прочитанный на родине лишь в перестройку роман «Доктор Живаго» вернул в пространство отечественной литературы образ врача из XIX в. — не деятеля, не делателя, но прежде всего человека, у которого есть право на отказ от «служения» в мире, где не только врачуют тело, но

[9] *Герман Ю.* Собрание сочинений: в 6 т. Л., 1977. Т. 6. С. 364.
German Yu. Sobranie sochinenii: v 6 t. Leningrad, 1977. T. 6. S. 364.

и насилуют живую душу. Роман Пастернака кончается словами о несвободе от времени и о «свободе души».

Врач в романе Пастернака не может творить рождественские «чудеса» (хотя одно из стихотворений Юрия Живаго и называется «Чудо»). Чудом оказался выбор и судьба этого странного доктора, написавшего строки: «Прощай, размах крыла расправленный, / Полета вольное упорство, / И образ мира, в слове явленнный, / И творчество, и чудотворство»[10].



Волчкевич Майя Анатольевна,
кандидат филологических наук, заместитель директора программы Миддлбери-колледжа в России

Volchkevich Maya A.,
Candidate of Philology, Deputy Director of the Program Middlebury College in Russia

e-mail: mayavol@yahoo.com

[10] *Пастернак Б.Л.* Полное собрание сочинений: в 11 т. М., 2003. Т. 4. С .225.
Pasternak B.L. Polnoe sobranie sochinenii: v 11 t. Moscow, 2003. T. 4. S. 225.